

УДК821.111-6Толкин

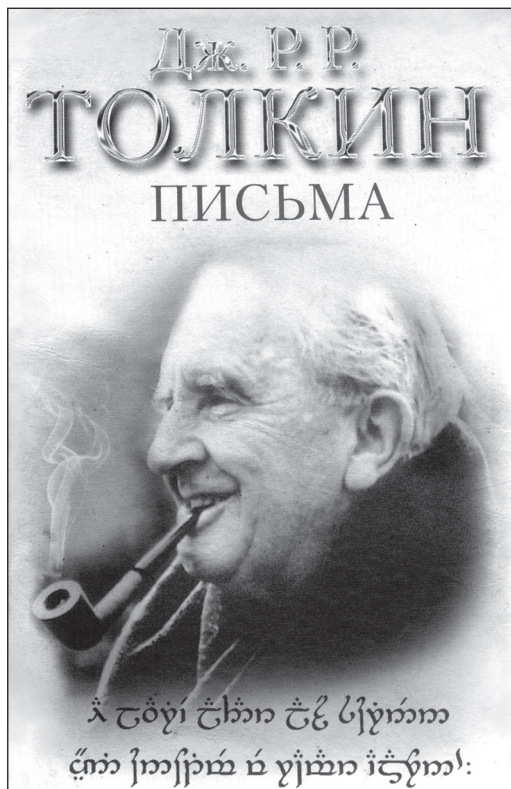
Письма Дж. Р. Р. Толкина

Толкин Джон Рональд Руэл. Письма / [пер. с англ. С.Б. Лихачёвой]. — М.: АСТ, 2019. — 752 с. — (Толкин — творец Средиземья). — 3000 экз.

В 2019 г. вышло в свет новое русское издание писем Джона Рональда Руэла Толкина, а в 2020 г. ушёл в мир иной Кристофер Толкин — младший сын, литературный помощник и редактор посмертных изданий писателя. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что для исследователей и почитателей творчества Толкина эти события знаменуют новую веху восприятия его художественного мира.

Впервые на русском языке выдержки из семи писем Толкина были опубликованы в переводе К.М. Королёва в 2000 г. в сборнике «Сильмариллион» [3], который впоследствии переиздавался дополнительными тиражами, и перепечатывались в сборниках «Возвращение Беорхтнота» [4] и «Хоббит, или Туда и обратно» [5]. Первое полное (соответствующее объёму английского оригинала) официальное издание писем вышло в 2004 г. в переводе С.Б. Лихачевой [6]. Неофициальная перепечатка книги появилась в 2015 г. [7]. Самостоятельная малотиражная публикация 33 «Избранных писем» в переводе П.Б. Полякова была предпринята в 2017 г. [8]. Суммарный тираж этих изданий (без учёта киевского, где тираж не указан), согласно выходным данным, составляет 67 650 экземпляров. Отзывов на публикации писем в научной литературе найти не удалось.

Рецензируемое издание является исправленной и дополненной версией книги 2004 г. [6]. На 752 страницах разместились предисловие, 354 письма, примечания и предметно-именной указатель. Общий объём текста составляет около 200 тыс. слов. Как подчёркивает в предисловии Хамфри Карпентер, редактор английского

оригинального издания 1981 г. [9], представленная корреспонденция не исчерпывает эпистолярное наследие писателя: для публикации были отобраны письма с 1914 по 1973 г., проливающие свет на творчество, интересы и мировоззрение Толкина.

Книга издана в твёрдом переплёте и снабжена суперобложкой. В оформлении обложки использованы фотопортрет Толкина позднего периода его жизни, надписи рунами и эльфийским алфавитом и стилизация под листы старинных рукописей. Полиграфическое исполнение созвучно содержанию тома и наиболее привлекательно из известных изданий «Писем».

Внешний вид переплёта и суперобложки совпадает, за исключением того, что аннотация с обратной стороны обложки перенесена на задний клапан суперобложки; на переднем клапане размещена краткая информация о писателе; на корешке имя писателя и название книги расположены по-разному, и корешок суперобложки имеет уменьшенную копию фотопортрета писателя.

Публикуемые письма имеют следующую структуру: номер письма (полужирным шрифтом); адресат (полужирным курсивом); дата (курсивом); вступительное примечание английского редактора (уменьшенным шрифтом в квадратных скобках); почтовый адрес отправителя (курсивом); текст письма; подпись (курсивом, имя писателя набрано верхним регистром). Не все письма имеют примечания. Если письмо приводится не полностью, в графе «адресат» указывается «Из письма к...», а почтовый адрес, приветствие, заключительные формулы и подпись опускаются (с. 7). Данная структура соответствует английскому оригиналу, в отличие от первых русских фрагментарных изданий писем.

Помимо переводного текста, книга содержит также факсимиле надписей, выполненных гномьими рунами (№ 112, с. 187; № 118, с. 197), двумя вариантами эльфийского алфавита (№ 118, с. 197) и готским письмом (№ 272, с. 522), а также один рисунок Толкина — изображение короны Гондора (№ 211, с. 412). В некоторых письмах присутствуют отдельные знаки используемых Толкином письменностей (в контексте обсуждения его лингвистической системы или типографских пояснений издателям).

Справочный аппарат издания содержит примечания четырёх типов (вводные комментарии в начале ряда писем, подстрочные ссылки самого писателя, подстрочные ссылки переводчика и затекстовые ссылки редактора английского издания), а также указатель, насчитывающий примерно 2000 наименований. Редакторские примечания в конце книги пронумерованы по письмам, к которым они относятся. В отличие от оригинала, в русскую версию указателя были

добавлены в скобках написания латиницей и расшифровка инициалов некоторых персоналий, а ссылки даются не на страницы, а на номера писем (с. 669–670). Ключевые статьи указателя имеют высокую степень детализации. Так, запись о романе «Властелин колец» включает подтемы «Процесс создания», «Эпизод с издательством “Коллинз”», «Публикация», «Карты и иллюстрации», «Приложения», «Восприятие», «Перепечатки и другие издания», «Переводы», «Звукозаписи и инсценировки», «Восприятие Толкином в ретроспекции», «Содержание, авторский замысел», «Источники», каждая из которых далее дробится на тезисы (например, подтема «Содержание, авторский замысел» содержит 43 тезиса, в том числе «роман написан для собственного удовольствия», «волшебная сказка для взрослых», «попытка создать вторичную (литературную) веру», «эксперимент в искусстве крупномасштабного повествования», «не роман, но героический эпос», «не аллегория», «теологический подтекст», «поэзия» и др.).

Адресатами писем выступают родные и друзья писателя, его коллеги по университетской работе и литературе, издатели и читатели его произведений, журналисты. Больше всего писем в подборке адресовано Кристоферу Толкину (64) и издателям Рейнеру Анвину (40) и Стэнли Анвину (25), а также их сотрудникам (39). По времени написания больше всего опубликованных писем (41) приходится на 1944 г., когда Толкин делился ходом своей работы над «Властелином колец» со своим сыном Кристофером, проходившим военную службу в Южной Африке. Другим насыщенным в эпистолярном отношении периодом были 1954–1956 гг. (в совокупности 53 письма) — время выхода в свет «Властелина колец».

Содержание писем, помимо изложения личных обстоятельств и мнений Толкина по разным темам, посвящено главным образом изданию «Хоббита», написанию и публикации «Властелина колец», интерпретации писателем своих сочинений (ответы на вопросы) и оценке произведённого ими эффекта. Наиболее важным пред-

ставляется письмо № 131 (предположительно 1951 г.) Мильтону Уолдману из издательства «Коллинз». Толкин рассчитывал с его помощью издать «Властелина колец» вместе с «Сильмариллионом» и вдохновенно изложил историю их создания в тексте, который по своему размеру (почти 10 тыс. слов) и содержанию представляет собой скорее программную статью писателя о его творческой концепции, сравнимую с его эссе «О волшебных сказках» [2].

Так, основными движущими силами своего литературного творчества Толкин называет интерес к лингвистическому конструированию (в частности, имён), мифу и волшебной сказке, а также желание возродить героический эпос как жанр и создать для Англии собственную мифологию — цикл преданий, «связанных с ее языком и почвой» (№ 131, с. 213; интересно задаться вопросом, в какой мере возможна постановка такой задачи применительно к русской культуре?).

В письмах Толкин расставляет в отношении своих произведений акценты, которые могут показаться неожиданными. Например, иногда поклонники его творчества удивляются тому, настолько глубоко и детально писатель продумал свой вымышленный мир: даже изобрёл для него особые языки с развитой грамматикой, словарем! Однако Толкин неоднократно подчёркивает, что первичным для него было именно создание языков, остальная же история появилась как контекст, чтобы сделать их более живыми и полноценными: «скорее “истории” сочинялись для того, чтобы создать мир для языков, нежели наоборот» (№ 165, с. 322). «Властелин колец» для него был прежде всего опытом разработки «лингвистической эстетики» (№ 165, с. 323; № 205, с. 388).

При этом данный аспект, вероятно, менее всего может быть по достоинству оценён широкой публикой, так как требует специальных знаний. Однако для подготовленных читателей (например, в № 347) будут представлять интерес комментарии Толкина о системе созданных им языков. Так, эльфийские языки «задумывались

как (а) отчетливо европейские по стилю и структуре... и (б) особенно эстетически приятные» (№ 144, с. 258–259). По признанию писателя, для квенья (архаичного эльфийского) источниками послужили латынь, финский и греческий, тогда как синдарин, выступающий в роли разговорного языка эльфов и этимологически восходящий к квенья, имеет сходство с валлийским.

Писатель отмечает также, что в авторском замысле главным героем «Властелина колец» является не Фродо (как можно было бы предположить), а Сэм (№ 131, с. 237), которого он считал наиболее проработанным персонажем (№ 93, с. 158). Видимо, именно образ Сэма как «наиболее типичного хоббита» (№ 246, с. 482), с точки зрения Толкина, должен был сыграть ключевую роль в раскрытии основной темы «Властелина колец» — соотношения и взаимосвязи героического и повседневного в жизни: «...без возвышенного и благородного простое и вульгарное непередаваемо гнусно; без простого и обыденного благородная героика бессмысленна» (№ 131, с. 236). Эта тема начинается уже в «Хоббите», в котором можно видеть «эскиз простого, заурядного человека... на возвышенном фоне» (№ 131, с. 235), направляемого провидением к большим свершениям (№ 131, с. 221; № 281, с. 534).

Основной же проблемой, художественно осмысляемой в «Сильмариллионе» и — в силу влияния последнего и единства мифологической истории — во всех сочинениях Толкина о Средиземье, по всей видимости, является проблема смерти и бессмертия: «ключевая мысль» сводится к тому, сколь страшна опасность перепутать истинное «бессмертие» с бесконечным периодически повторяющимся долгожительством» (№ 208, с. 392; № 186, с. 361; № 211, с. 416). Эта тема раскрывается прежде всего через образы эльфов и людей как отдельных народов, символически воплощающих разные аспекты человеческой природы (№ 131, с. 221; № 144, с. 259; № 153, с. 279; № 181, с. 346). Примечательно, что сам писатель осознал доминирующий характер этой темы только

постфактум, когда прочитал «Властелина колец» в законченном виде (№ 208, с. 392).

Несмотря на то что «главным фактом» своей биографии Толкин считал доведение до конца работы над «Властелином колец» (№ 199, с. 377), чтение его писем оставляет впечатление, что главной книгой, дающей силу другим историям, для него был «Сильмариллион» (так и не опубликованный при жизни писателя), который, по его собственным словам, исподволь проник во все его произведения, «отбросил густую тень на последние главы “Хоббита”» и «завладел “Властелином колец” так, что роман просто-напросто превратился в его продолжение» (№ 124, с. 203, хотя допустимо и то, что в данном случае Толкин сгустил краски, стремясь доказать необходимость издания «Властелина колец» вместе с «Сильмариллионом»).

Возможно, прав был С. Анвин (на том этапе — конец 1930-х гг.), когда говорил, что «Сильмариллион» нужно было не публиковать, а черпать из него материал для дальнейшего творчества (№ 124, с. 203): его нереализованность и подспудное присутствие наполнили «Хоббита» и «Властелина колец» глубиной и внутренней жизнью. Если бы «Сильмариллион» был изначально опубликован, может быть, Толкин не чувствовал бы потребности выразить его темы в других формах, и «Хоббит» с «Властелином колец» никогда не появились бы на свет. Впоследствии это признавал и сам писатель (№ 180, с. 340). В этой связи можно предположить, что главный вопрос в литературном творчестве Толкина — это соотношение и взаимовлияние его произведений: что является источником чего, какое из них центральное и т. д.

Но, пожалуй, больше всего письма интересны тем, что проясняют причины притягательности творчества Толкина, позволяют приблизиться к пониманию того, почему его сочинения так волнуют и увлекают. Сам писатель связывал это в первую очередь с эффектом реалистичности (историчности), возникающим благодаря детальной проработанности вымышленного мира (№ 160, с. 308), отсылкам к фоновой

мифологии (№ 151, с. 272; № 247, с. 488; № 328, с. 604) и присутствию ужасного (№ 17, с. 36; № 109, с. 181).

Представляется, что на достижение этого эффекта работает и основной художественный метод Толкина — стилизация (или даже «мистификация») литературного материала под миф и древний эпос, прежде всего средствами архаизированного языка, который он считал более адекватным образу мыслей и действий своих персонажей в обстановке, напоминающей раннее Средневековье: можно вспомнить его замечание в эссе «О волшебных сказках», что «древность привлекательна сама по себе» [2, с. 348]. Писатель отмечал, что «подобные “героические” сцены не встречаются в современных условиях, к которым принадлежит и современный язык» (№ 171, с. 331–332), имея в виду, что форма должна соответствовать содержанию.

Возможно, за этим стоит обращение к мифологическим мотивам и сакральным понятиям, связанным с центральной зоной ментальности, которые в соответствующем лексическом выражении неизменно производят сильное эмоциональное воздействие [1, с. 130–131, 135]. Образы добра и зла, их судьбоносная борьба между собой и связанные с ними качества (благородство и низость, верность и коварство, великодушие и жестокость, мужество и слабование) предстают явно и отчётливо, как бы воплощенным образом. Квинтэссенцию этих мотивов можно видеть в предложенном писателем понятии эвкатастрофы — благого вмешательства providения, в критический момент восполняющего неспособность героя достичь назначенной цели своими силами (№ 89, с. 151, ср. *deus ex machina*).

Другой важный аспект феномена Толкина заключается в отмеченном Наоми Митчисон восприятии его творчества не только как литературы, но и как «сложной разновидности *игры* в придумывание страны — игры бесконечной, поскольку даже комиссия специалистов в самых разных областях не смогла бы завершить общую картину» (№ 154, с. 288). С точки зрения писателя,

это эксперимент по созданию внутренне согласованной «вторичной реальности» (№ 328, с. 604) [ср. 2, с. 368]. В этом можно видеть когнитивный аспект притягательности книг Толкина: чем сложнее механика (или ткань) художественного мира, тем интереснее проследить её внутренние связи и логику, поскольку мозг стремится найти смысл, целостность и непротиворечивость.

К этому неисчерпаемому процессу может присоединиться каждый читатель, что делает книги отправной точкой для работы собственной фантазии. Но если у Толкина эта игра имеет интеллектуальный характер и направлена на доработку и согласование деталей истории и развитие альтернативных версий сюжета при заданных исходных параметрах (например, № 246, с. 484–487), то появившееся впоследствии движение ролевых игр с «культом» Толкина можно считать её искажённой и гипертрофированной формой, которую сам писатель не одобрял (№ 275, с. 525; № 328, с. 603). Он неоднократно говорил, что его произведения являются только художественным вымыслом, которому не нужно придавать объективного значения (№ 153, с. 276; № 163, с. 310–311; № 211, с. 414–415).

В письмах Толкин прямо опровергает некоторые распространённые неверные представления о своих сочинениях. Так, Кольцо не является аллегорией какого-либо вида оружия, а символизирует стремление к власти и подчинению других через физическую силу, технику и обман (№ 131, с. 236; № 186, с. 361). «Властелин колец» не является трилогией («названия томов — глупая выдумка, которую сочли необходимой для публикации, учитывая объём и расходы»: № 165, с. 324) и не содержит отсылок к современным событиям, странам или политическим силам (например, № 229, с. 449), хотя действие мыслится происходящим в пространстве, соотносимом с географией Европейского континента (№ 183, с. 351; № 294, с. 550). Книга отражает мироощущение писателя в свойственной его мышлению мифологической форме, однако он не вкладывал в неё «прак-

тически никакой особой, осознанной, интеллектуальной концепции» (№ 163, с. 310–311), так что все интерпретации, даже его собственные, являются лишь «размышлениями “задним числом”» (№ 186, с. 362).

Письма также содержат замечания Толкина о переводе его сочинений на другие языки. Упоминаются немецкое, исландское, испанское и шведское издания «Хоббита», а также голландская, польская и шведская версии «Властелина колец». По его мнению, перевод последнего — «задача грандиозная», с которой вряд ли «возможно справиться удовлетворительным образом без содействия автора» (№ 188, с. 365). Писатель категорически возражал против перевода имён персонажей и топонимов в попытке передать их внутреннюю форму средствами другого языка, так как это нарушит выстроенную им лингвистическую систему и уничтожит английский колорит оригинала. Правильнее, с его точки зрения, было бы оставить имена и названия неизменными, а для расшифровки их этимологии добавить в приложения специальный глоссарий (№ 190, с. 366–368; № 217, с. 438).

Вероятно, не менее сложной задачей оказалась и подготовка русского перевода писем Толкина. Их текст содержит большое количество ссылок на произведения, персоналии и события разных эпох, явления английской культуры, а также цитаты и выражения на голландском, греческом, древне- и среднеанглийском, древнеисландском, испанском, итальянском, латинском, немецком, французском, шведском и эльфийских языках. Проработка этого материала должна была потребовать энциклопедических знаний, благодаря чему читателям открывается окно не только в творческую лабораторию писателя, но и в мир германской филологии и английской академической жизни на фоне событий середины XX в.

По сравнению с оригиналом, в русское издание были добавлены дополнительные примечания страноведческого характера, разъясняющие некоторые реалии английской действительности и Оксфордского университета в частности. Налицо стрем-

ление близко передать стиль и эмоциональный фон писем, хотя отдельные варианты словоупотребления представляются небесспорными. Например, *Gandalf* передан как *Гандальв* вопреки устоявшемуся *Гэндальф* — видимо, по принципу этимологического соответствия с древнескандинавским источником (№ 297, с. 561) и в связи с указанием Толкина, что в его системе имён буква *f* на конце слова соответствует звуку *v* (приложение Е к «Властелину колец» в английских изданиях) — а *Strider* (Арагорн) переведен как *Бродяжник*. Сопоставительный анализ разных переводов произведений Толкина является развитой областью исследований, так что читатели сами смогут судить об удачности тех или иных переводческих решений.

Письма Толкина содержат богатый материал для осмысления идейного и эмоционального потенциала, в художественной форме заключённого в историях о Средиземье. Кроме того, их чтение позволяет нам сопровождать писателя на его жизненном пути, глядя на всё его глазами. С учётом

имеющегося в издании подробного указателя «Письма» можно считать своего рода справочником по творчеству Толкина. В то же время рационализация его произведений вряд ли сможет до конца объяснить их завораживающее действие, как анализ отдельных элементов «вряд ли откроет тайну целого» [2, с. 325].

Книга является образцовой для изданий переписки известных авторов и представляет большой интерес для почитателей творчества Толкина, исследователей фантастики, специалистов по английской литературе и всех любителей эпистолярно-биографического жанра. Она позволит лучше понять литературный феномен Толкина, характеристику которому можно дать словами самого писателя: «Жизнь заметно превосходит наш уровень... И нам всем нужна литература, наш уровень превосходящая»; рост над собой происходит «через чтение книг, которые тебе не по плечу» (№ 215, с. 437) [ср. 2, с. 364]. Думается, художественные произведения Дж. Р. Р. Толкина, как и его письма, этому критерию вполне соответствуют.

Библиографический список

1. Казаков Г.А. Сакральная лексика в системе языка. М. : ИД «КДУ», 2016. 142 с.
2. Толкин Дж. Р. Р. О волшебных сказках / пер. С. Кощелева // Толкин Дж. Р. Р. Приключения Тома Бомбадила и другие истории. СПб. : Азбука, 1999. С. 315–410.
3. Толкин Дж. Р. Р. Избранные письма / пер. К. Королева // Толкин Дж. Р. Р. Сильмариллион. М. : АСТ; СПб. : Terra Fantastica, 2000. С. 527–542.
4. Толкиен Дж. Р. Р. Избранные письма / пер. К. Королева // Толкиен Дж. Р. Р. Возвращение Беорхтнота. СПб. : Terra Fantastica; М. : Эксмо-Пресс, 2001. С. 231–258.
5. Толкиен Дж. Р. Р. Избранные письма / пер. К. Королева // Толкиен Дж. Р. Р. Хоббит, или Туда и обратно : избранные произведения. М. : Эксмо; СПб. : Terra Fantastica, 2002. С. 507–532.
6. Толкин Дж. Р. Р. Письма / пер. С. Лихачевой. М. : Эксмо, 2004. 576 с.
7. Толкин Дж. Р. Р. Письма / пер. С. Лихачевой. Киев : Мой Друг Фантастика, 2015. 616 с.
8. Толкиен Д. Р. Р. Избранные письма / пер. П. Полякова. Омск : Частный издатель Дмитрий Сорокин, 2017. 168 с.
9. The Letters of J. R. R. Tolkien / ed. by H. Carpenter with the assist. of C. Tolkien. Boston : Houghton Mifflin, 1981. 463 p.

Григорий Александрович Казаков

Московский государственный институт международных отношений (университет); Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор английского языкознания (Япония), Россия, Москва, e-mail: amicilinguarum@rambler.ru

Grigoriy Aleksandrovich Kazakov

Moscow State Institute of International Relations (University); Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, doctor in English linguistics (Japan), Russia, Moscow, e-mail: amicilinguarum@rambler.ru